

Э. М. Пауэлл

Убийства в монастыре

Расследования
Стэнтона и Барлинга

КАРЬЕРА ПРЕСС

Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)

П21

Перевод с английского – Дмитрий Орлов
The Monastery Murders. A Stanton and Barling Mystery

E. M. Powell

First published by Thomas & Mercer, 2018, Seattle

Пауэлл Э. М.

П21 Убийства в монастыре (Расследования Стэнтона и Барлинга) / Э. М. Пауэлл [Пер. с англ. Дмитрий Орлов] – М.: Карьера Пресс, 2024. – 304 с.

ISBN 978-5-00074-383-6

Англия, 1177 год. Элред Барлинг и Хьюго Стэнтон от имени королевского суда едут расследовать жуткое преступление, потрясшее стены отдаленного монастыря. Они быстро понимают, что монастырь далек от образа тихой обители, в нем кипят горькая вражда, алчность и старые обиды. Братия настроена враждебно, а настоятель явно что-то скрывает. Пока Барлинг полагается на логику и букву закона, импульсивный Стэнтон не сомневается, что в этом святом месте дьявол чувствует себя как дома.

Когда находят вторую жертву, становится ясно: убийца не останется, пока не свершит свою личную месть. В лабиринте монастырских коридоров и темных тайн тень убийцы может пасть на каждого – и теперь под ударом оказываются сами посланцы короля. Сумеют ли они разоблачить преступника, прежде чем прольется новая кровь?

Для поклонников исторических детективов Умберто Эко и К. Дж. Сэнсома.

Книги Э. М. Пауэлл стали бестселлерами № 1 Amazon и Bild, она пишет для журнала Big Thrill Международной ассоциации авторов триллеров, для блогов Ассоциации английской исторической прозы. Эксперт Общества исторического романа.

Text copyright © 2018 by E. M. Powell

© 2023, «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке

All right reserved

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agence.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Аббатство Фэрмор, Северный Йоркшир
24 декабря 1176

В молодости брат Морис, наставник послушников Фэрморского аббатства, часто недоумевал, отчего у стариков столь скверный нрав.

А ныне перестал. Вот уже несколько лет как — тех самых лет, что забрали его зубы, которых уж почти не осталось, и зрение, полностью пропавшее в одном глазу и постепенно покидавшее второй, обволакиваемый тем же дурным туманом.

Тех лет, что лишили его матери с отцом, — и это, пожалуй, было неизбежным, — а также множества братьев-монахов. Некоторые упокоились после долгой жизни, подобно его родителям, а других Господь призвал к Себе еще совсем молодыми. Но возраст едва ли имел значение. Морис мог смотреть в лицо умершего человека, которого знал двадцать лет, и ничего не чувствовать, а мог днями и ночами оплакивать кончину того, кто ушел из жизни спустя всего несколько месяцев после их знакомства.

Мысль о собственной смерти совсем не тяготила его, хотя с каждым днем конец становился все ближе.

Ибо когда смерть придет, он уснет. Уснет и наконец-то выспится.

Недостаток отдыха, как давно уже понял Морис, и был причиной этих стремительно настигших его в последние

годы перемен. Он дни напролет жаждал сна, все ниже роняя голову на молитве в келье и капая слюной из вялых губ на книгу, которую уже не в силах были разглядеть бесполезные глаза. После удара колокола, возвещающего конец дня, он спешил на свой тюфяк в братском dormitorio — тот самый, на котором сейчас притулились его жалкие бранные кости. Спешил в предвкушении часа или двух блаженного забытья.

А потом он просыпался, но не как юноша, освеженный сном и вновь полный сил, но в отчаянии, ибо знал, что не сомкнет глаз всю ночь.

Но уж в эту святейшую из всех ночей и прочим придется поспать так же мало, как ему, ибо настало величайшее торжество Рождества Младенца Христа. Службе предстояло начаться раньше обычного. Морис любил этот праздник больше других, хотя он и служил лишним напоминанием о том, как мало праздничных дней ему, возможно, осталось встретить в этой жизни.

В обступавшей Мориса холодной тьме dormitorio спали братья, наполняя воздух привычным раздражающим хором храпа с фырканием и бульканьем да зловонием газов.

Едва монастырские колокола огласят начало бдения, он мигом окажется на ногах. Для Мориса подняться посреди ночи не представляло никакого труда, поскольку он и без того бодрствовал. Для прочих же, кто спал, — и особенно для вверенных его заботам юнцов, новых послушников, — это было сущим мучением.

Морис ухмыльнулся. Ну хоть какое-то преимущество перед молодыми — но как бы и не единственное.

Он потер лицо, прислушиваясь к приглушенной возне просыпающегося пономаря, брата Катберта, который ночевал в отдельном помещении у входа в dormitorio.

Тихий пономарь был человеком прилежным и никогда не опаздывал на свое послушание у монастырских колоколов. Тот еще зануда, зато усердный.

Вот-вот зазвонит. Морис подождал еще несколько минут. Ничего. Только все тот же доносящийся отовсюду храп. Он нахмурился и сел, откинув одеяло. Так не пойдет – ни в Рождество, ни в любую другую ночь.

Он встал, одернул свою шерстяную рясу, разглаживая складки, и сунул обтянутые чулками ноги в стоящие тут же мягкие кожаные туфли. Потом двинулся по проходу между двумя рядами постелей к комнатухе Катберта. Царящие в дормитории тени казались слабым глазам еще гуще, но споткнуться он не боялся. Пол был, как всегда, выметен и ровен. Он дошел до комнаты Катберта и распахнул дверь.

– Катберт! – Возглас был столь резок, что спящие поблизости монахи откликнулись невнятным сонным бормотанием. Он пригляделся.

Постель Катберта была пуста, одеяло смято.

Матьер Божья, неужто это он – Морис – пропустил побудку? *Не глуми.* Конечно нет. Все прочие братья по-прежнему спят. Звучного звона, поднимающего всех на молитву, еще не было.

Морис подошел к крошечному оконцу и распахнул ставни. От порыва ледяного ветра, ворвавшегося внутрь, перехватило дыхание. Густой снегопад, не стихавший последние два дня, прекратился, превратив распростертую под чистым черным небом землю в бесформенную белую массу. Звезд Морис разглядеть уже не мог, но различил размытое пятно убывающей луны. Он отчаянно прищурился и насилу увидел: луна была именно там, где он страшился ее увидеть. Они опоздали. Пропустили начало богослужения. И именно в Рождество.

Да как ты мог, Катберт?

Морис захлопнул ставни и схватил стоявшие у кровати Катберта дощечку с палкой.

– Вставайте, братья, вставайте! – Он пошел обратно в дормиторий, громко и резко стуча палкой о дощечку

ку. — День Рождества Господа нашего настал. Возрадуйтесь! Вставайте!

Он что есть мочи колотил над головами зевающих и потягивающихся послушников, уговаривая и подгоняя их к ночной лестнице, ведущей в церковь. Он знал, что следом потянутся и остальные монахи. Пристроившись за последними из спешно спускающихся по ступеням послушников, он возгласил:

— Так восславим же... — и тут же ткнулся в спину замершего впереди юноши. — Ступай, парень, не мешкай! Шагайте там!

Снизу донесся голос:

— Не можем, брат.

— Не можете? Почему?

— Церковь заперта, брат.

Из толпы монахов, собравшейся за спиной у Мориса, раздалась полусонные недоуменные возгласы.

— Чего остановились, братья? — спросил один.

— Спускайтесь уже, спускайтесь давайте, — подал голос второй.

Морис раздраженно стиснул кулаки — они не должны были топтаться здесь, как безмозглые овцы в загоне.

— Вот мой ключ. — И он сунул его впереди стоящему послушнику, чтобы тот передал дальше.

Раздался звук отворяемой двери, а потом вновь донесся голос:

— В церкви темно, брат.

Ответом послушнику стали изумленные возгласы.

Морис тоже изумился — но кроме того, его накрыло и злостью: это же дом Господень!

— Ну так не стойте без дела! — крикнул он. — Зажигайте свечи! Да побольше!

Послушники повиновались, Морис же спешно преодо-

лел остаток ступеней и принялся распоряжаться в темной церкви.

— Ты и ты, зажигайте свечи. Ты — доставай книги. А ты отправляйся будить служек.

В церкви уже затрепетали огоньки, когда вошел мрачный, как туча, аббат, которому явно успели сообщить о случившемся.

Он стремительно подошел к Морису:

— Почему задержались с бдением, брат? Что происходит? Морису показалось, что он ослышался.

— Мы здесь лишь благодаря мне, милорд аббат. Мне! Катберта нигде нет. Если бы не я, все спали бы до самой зари!

— Тогда нужно немедленно начинать службу.

Настоятель развернулся на каблуках. И ни слова о провинности Катберта — ни единого слова признательности за то, что он, Морис, спас этот заветный день.

— Его зловредная нерадивость навлекла грех на всех нас, милорд аббат! — Морис видел обратившиеся к нему потрясенные лица с распахнутыми от столь неслыханной грубости ртами. — Вам должно наказать ленивого пса! — Он понимал, что дает волю гневу, но при всем желании уже не мог замолчать. — Накажите его! Я его найду, найду его! Притащу сюда, чтоб сам полюбовался на свой постыдный грех!

Он выбежал из церкви, уворачиваясь от рук, пытающихся остановить его и успокоить, и зашагал по клуатру*.

— Катберт! — Яростный вопль эхом отдался в безмолвной морозной ночи. Морис набрал полную грудь воздуха, чтобы крикнуть еще раз, и замер.

Здешняя ночь должна пахнуть лишь ветром с вересковых пустошей.

Но она пахла... мясом? Жареным мясом?

* К л у а т р — крытая галерея, обрамляющая внутренний двор монастыря и/или сам этот двор. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Нет. Не мясом. Не совсем. Был в этом запахе странный металлический оттенок. Ужасающая сладость, от которой судорожно сжался желудок.

Морис уже не злился. Ему стало страшно.

— Катберт?

Он вновь сорвался с места, перейдя на бег и не заботясь о том, что там под ногами, лишь бы скорее добраться до источника этой вони, которая шла, как он уже понял, с монастырской поварни.

Морис распахнул дверь и понял, что отыскал Катберта.

Позже он не раз благодарил Бога за свои жалкие, ничемные глаза.

Ибо те избавили его от зрелища, породить которое могли лишь бездны самого ада.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Саутарк, Лондон
1 января 1177

Хоть Хьюго Стэнтон человеком набожным себя никогда не считал, взгляды на церковные праздники имел самые определенные. Их, несомненно, стоило отмечать — пить, веселиться и, коли улыбнется удача, завершать в объятиях и меж ляжек отзывчивой молодки. Однако в нынешний славный день Рождественской октавы* его традиционные планы пошли насмарку.

Вместо обычного веселья он сидел в сыром ялике среди покрытых рябью бурых вод Темзы в ожидании, пока освободится место у переполненного саутаркского причала, и ежился под ледяным ветром, неспособным донести хоть кроху тепла от бесцветного утреннего солнца. Хьюго плотнее закутался в свой толстый плащ и постарался отогнать мысли о пряной отварной говядине с жареным каплуном, сладких пудингах и череде кубков доброго вина перед пылающим камином.

— Видите, юный Стэнтон? — Элред Барлинг, старший клерк суда короля Генриха, восседал напротив него в своих

* Рождественская октава — восьмидневный праздничный период в литургическом календаре Римско-католической церкви, который начинается 25 декабря в Рождество Христово и заканчивается 1 января в Торжество Пресвятой Богородицы.

неизменно безукоризненных черных одеяниях и накидке, искоса поглядывая на спутника в блеклом утреннем свете. Его бледное худое лицо порозовело от морозца. — Как я и предвидел, река забита судами. Я был прав в оценке времени, что потребовалось на дорогу. А опоздать было никак нельзя, ведь тогда мы едва ли застали бы медведя.

Медведь. Единственная радость в этой поездке с Барлингом.

— Надеюсь, мы его увидим, — ответил Стэнтон, — и много еще кому, похоже, этого хочется.

Высящаяся перед ними скрипучая пристань была заполнена веселой шумной толпой. Большею частью люди уходили с набережной на шумные улицы Саутарка, однако кое-кто отправлялся отсюда и в другую сторону.

Клерк нахмурился.

— Приятель, — он повернулся к гребцу, — давай-ка уж поскорее доставь нас на берег.

— Да, сэр, — незамедлительно, как это всегда и бывало, откликнулся на его распоряжение мужчина. Барлинг был человеком щуплым и невысоким, но держался с властью судейского чиновника и тон умел взять соответствующий.

И хотя Стэнтон и Барлинг были уже на более короткой ноге, за время совместных трудов Стэнтону нередко доводилось сталкиваться с недовольством Барлинга, и таким клерк ему не нравился. Совсем не нравился.

Гребец направил ялик в просвет между соседними лодками и под градом раздающейся с них брани и проклятий повел к зловонному, усыпанному мусором берегу.

— Извольте, сэр.

— Божие благословение да пребудет с вами. — Барлинг поднялся на ноги и едва не потерял равновесие, хотя лодка почти не раскачивалась.

— Спасибо, добрый человек. — Стэнтон бросил гребцу мо-

нету сверх оговоренного, а потом подал руку Барлингу и помог тому осторожно подняться по скользким деревянным ступеням. Пускай клерк и был старше двадцатидвухлетнего Барлинга всего на двенадцать лет и мог похвастаться завидной многоученостью, но в любом требовавшем физической подготовки деле он неизменно проявлял поразительную неловкость.

— Можете отпускать меня, Стэнтон, — Барлинг пригладил взъерошенные ветром волосы вокруг своей аккуратной тонзуры. — Нам следует поторопиться, — и он не замедлил подтвердить свои слова делом, быстро зашагав вперед.

Ни слова благодарности — лишь привычное целеустремленное движение с полным невниманием к ругани тех, кого он задевал на своем пути.

Стэнтон покачал головой и со вздохом двинулся следом.

* * *

Стэнтон оперся локтями на деревянную, высотой по грудь, ограду, окружавшую усыпанную опилками медвежью яму. Прочные стены призваны были сдерживать все растущую толпу шумных возбужденных людей — и, наверное, не дать выбраться наружу зверям. Стэнтону давно уже хотелось посмотреть на медвежьи бои. Ему случалось немало слышать о мощи, силе и свирепости этих животных, а вот увидеть их ни разу не довелось.

В отличие от Барлинга.

— Я несколько раз видел такие представления, — сказал тот, когда Стэнтон упомянул о своем желании съездить на бой. — Им благоволит его величество — и не зря.

Еще один приятный способ провести праздничный день. По крайней мере, Стэнтон думал так, пока не понял, что Барлинг решил составить ему компанию. Отказать же не было ни малейшей возможности.

Что еще хуже, Барлинг решил устроить из этой поездки очередной урок. Он наставляет, как мастер, Стэнтон усваивает, как подмастерье, — так любил говаривать королевский клерк. Причем частенько. И Стэнтон знал, что винить в этом ему остается лишь самого себя. Он познакомился с Барлингом, будучи гонцом при разъездной сессии королевского суда и отчаянно мечтавая сбежать с этой должности. Семь месяцев назад, когда им с клерком удалось распутать дело о нескольких жестоких убийствах, у него появилась возможность отыскать себе другое место, да только Стэнтон ею так и не воспользовался. Барлинг убедил Стэнтона, что с его необычайным талантом докапываться до истины стоит остаться с клерком и дальше помогать тому привлекать злоумышленников к ответу. За прошедшее время Стэнтон не раз задавался вопросом о правильности принятого тогда решения.

Большей частью нынешняя работа ему нравилась, особенно когда предполагала разъезды на быстром коне или розыск пропавших по городским тавернам. Иные же ее стороны радовали Стэнтон куда меньше — те же уроки, например. Гнетущее присутствие Барлинга могло кого угодно вогнать в тоску. По результатам любого происшествия клерк принимался обсуждать и оспаривать действия Стэнтон, и длиться такие разборки могли часами. Но и это было гораздо лучше, чем когда клерк принимался бубнить про законы. Казалось, Барлингу больше всего на свете хочется сделать Стэнтон собственной копией — в тех же черных одеяниях, с тонзурой и истовой преданностью сухим пыльным манускриптам и свиткам. Сам же Стэнтон предпочел бы сигануть в ледяные воюющие воды Темзы.

Между тем в медвежьей яме плясал играющий на дудочке шут, взметая в холодный воздух облачка свежих опилок. За ним следовала маленькая гарцующая собачонка, наряженная в одеяния тех же, что и у хозяина, желто-красных

цветов. Вкопанный в центре ямы мощный деревянный столб пока пустовал, но темные пятна крови на нем красноречиво сулили близящееся зрелище.

По спине Стэнтон побегали мурашки, и на этот раз уже не от холода.

— Увы, — заметил стоящий от него по правую руку Барлинг, — это шутство едва ли может чему-то нас научить.

Шут продолжал выделывать коленца, пока собачонка снова туда-сюда под его высоко вскидываемыми ногами.

Стэнтон не смог сдержать смеха:

— А песик-то хорош, Барлинг.

Клерк фыркнул.

Шут завершил свою мелодию одновременно с низким, до земли, поклоном. Собачонка заскочила ему на спину под нестройный хор веселых выкриков и аплодисментов. Шут сорвал с головы колпак и все так же, не разгибаясь, пошел по кругу, собирая монеты.

— Есть, впрочем, чему поучиться и тут, — заметил Барлинг, — ибо те, кто дают деньги, ведут себя куда глупее его самого.

Стэнтон открыл кошель, чтобы бросить проходящему шуту монету:

— Ну или что умение вызвать улыбку заслуживает награды. — Он подмигнул клерку.

Недрогнувшие тонкие губы Барлинга лучше любых слов дали понять Стэнтону, что именно думает о сказанном его спутник.

Стэнтон ухмыльнулся себе под нос и заметил, как заволновалась толпа с дальней стороны ямы.

— С ерундой покончено, и это можно лишь поприветствовать, — сказал Барлинг. — Похоже, урсус* вот-вот будет здесь.

Наконец-то. Ну его, Барлинга, ведь он, Стэнтон, пришел

* Ursus (лат.) — медведь.

сюда именно за этим. Стэнтон до предела подался вперед и изо всех сил вытянул шею, чтобы лучше видеть.

Шут взглянул в сторону источника всеобщего оживления и побледнел, а потом подхватил собачонку под мышку, одним ловким прыжком перемахнул через ограду и был таков. Вслед за ним стих и смех, а улыбки на лицах сменились разинутыми в предвкушении ртами. Стал нарастать возбужденный гомон.

Распахнулись ворота, и в яму вступили двое мужчин, вооруженных длинными шестами. Вслед за ними шел поводырь с длинной и толстой металлической цепью в одной руке и сучковатой дубиной во второй.

За ним на той же цепи ковылял огромный черношерстый зверь — медведь.